

УДК 808.5

ТАКТИКИ УХОДА ОТ ПРАВОВЫХ РИСКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И БИЗНЕС КОММУНИКАЦИИ

Осадчий М. А.

*ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемерово
Кемерово, Россия (650000 Кемерово, ул. Красная, 6), osadchij@mail.ru*

Как и в других странах, в Российской Федерации действуют нормы правовой регламентации публичной речевой деятельности. Данные нормы регламентируют необходимую свободу и несвободу носителя языка, налагая на него систему прав и обязанностей. Как следствие, в речи носителей русского языка обнаруживается стратегия ухода от правовых рисков, реализующаяся рядом особых тактик: эвфемистические замены, продуцирование полисемических высказываний, затемнение денотата и др. Данное исследование направлено на теоретическое и экспериментальное изучение указанной стратегии на материале политической и бизнес коммуникации. Предметом исследования являются публичные выступления, телевизионные дебаты, материалы печатных СМИ, метаязыковая деятельность носителей русского языка. Методы исследования – наблюдение, эксперимент, дискурс-анализ. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-34-00324a2).

Ключевые слова: правовой риск, публичная коммуникация, тактика, стратегия.

THE TACTICS OF LEGAL RISKS AVOIDANCE IN POLITICAL AND BUSINESS COMMUNICATION

Osadchiy M. A.

*FGBOU VPO "Kemerovo State University", Kemerovo
Kemerovo, Russia (650000 Kemerovo, ul. Krasnaya, 6), osadchij@mail.ru*

As in other countries, in Russia there are legal norms regulating public speech activity. This legal regulation sets the limits of necessary freedom and restriction for a language speaker and vests him with a set of statutorily defined rights and duties. As a consequence, speech conduct of the Russian language speakers realize the strategy of possible legal risk avoidance, this strategy is supported with a number of specific tactics: euphemistic substitutions, producing polysemic utterances, "obscuring denotation field", etc. This research is aimed at theoretical and experimental studying of the named strategy realization based on the material of political and business communication. The subject of the study is public statements of statesmen and politicians, religious sermons, TV channels broadcasts, material from print news media, metalinguistic activity of the Russian language speakers. The methods employed are observation, experiment, discourse analysis. The study was supported by RNSF (project № 11-34-00324a2).

Key words: legal risk, public communications, tactics, strategy.

Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Вместе с тем, в части 2 статьи 10 названной Конвенции указано, что осуществление этих свобод,

налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе.

На территории Российской Федерации законодательно закреплены рамки свободы слова. Законодательство определяет правила защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина; предусматривают ответственность за осуществление угрозы, оскорбления, за распространение клеветнической информации, публичные призывы к отказу от исполнения гражданских обязанностей, призывы к осуществлению экстремисткой деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства. Кроме того, право на защиту деловой репутации и доброго имени закреплено в том числе за юридическим лицом. Авторитет, имидж, репутация сегодня являются важнейшими составляющими успешного бизнеса, недаром по отношению к данным благам в бизнес-сообществе принято наименование «нематериальные активы». Нелестные оценки и прямо лживая информация способны не только подорвать материальное благополучие компании, повлиять на темпы ее развития, но и вытеснить компанию с рынка. В связи с этим в современном российском обществе публичная речевая деятельность является сферой риска. При осуществлении собственных прав и свобод велика опасность ущемить права и свободы другого гражданина, нанести урон активам предприятия, что неминуемо влечет за собой как административную, гражданскую, так и уголовную ответственность.

В лингвистическом аспекте правовая регламентация простирается на все три оси языковой системности: семантику, синтактику и прагматику. Семантическое измерение языка претерпевает давление правового регламента в наибольшей степени: чаще всего правовая ответственность наступает в связи с распространением неправомерной информации, то есть ключевым составом преступления является содержание речи (порочащая

информация, распространение секретных сведений или сведений о личной жизни, угроза, возбуждение национальной или социальной вражды). Ряд преступлений, совершаемых вербальным способом, характеризуется высказываниями, имеющими определенную форму, синтаксический образ (в качестве наиболее яркого примера можно указать на оскорбление). Наконец, прагматическая составляющая речевого сообщения становится немаловажной частью неправомερных коммуникативных актов. Здесь следует говорить, прежде всего, о преступлениях, характеризующихся прямым умыслом (клевета, угроза, призывы к экстремисткой деятельности, возбуждение социальной и национальной вражды). Состав такого рода преступлений является полным в том случае, если будет доказано, что языковой носитель реализовал определенную речевую стратегию, то есть совершение наказуемого действия являлось осознанной коммуникативной задачей говорящего.

Осознание языковыми носителями публичной речевой коммуникации как сферы риска приводит к формированию в языковой культуре отдельных носителей языка и целых языковых сообществ алгоритмов легального речевого поведения. Речевой имидж современного общественного деятеля (политика, журналиста, управленца) включает формулы ухода от правовых рисков. Такого рода формулы, как правило, связаны с введением в речь маркеров субъективности, осознанным «затемнением» зоны денотата семантики речевого сообщения, созданием предпосылок для двойственной интерпретации высказывания.

Такого рода стратегии в деятельности оратора вступают в сложные корреляции с центральным необходимым качеством публичной речи – суггестивностью. Наблюдения за современной публичной массовой коммуникацией позволяют регистрировать и изучать случаи симбиоза взаимоисключающих коммуникативных стратегий, направленных, с одной стороны, на создание у целевой аудитории яркого впечатления и недвусмысленного убеждения после восприятия речи оратора, с другой

стороны – на посисемизацию речевого сообщения и «затемнение» денотата в целях снижения правовых рисков.

Как результат в современной лингвистике возникает задача теоретического осмысления феномена правовой регламентации как реального и конститутивного фактора коммуникации, выделение и системное изучение «легальной» и «нелегальной» зон современной коммуникации, корпуса эвфемизмов (в широком смысле этого термина) как алгоритмов осознанных замен на уровне смысла и содержания речи в целях снижения правовых рисков [1, 2, 3, 4].

В ходе исследования публичной устной и письменной коммуникации установлены типовые формулы ухода от правового риска и их частотность. Исследование проводилось в течение 2011 года. Исследовательская группа вела наблюдения за публичной речевой деятельностью участников ток-шоу и политических дебатов, транслируемых общероссийскими телеканалами, кроме того, исследованию подверглись тексты публикаций в газетах «Московский комсомолец в Кузбассе» и «Известия» (номера за 2011 год).

Формула № 1 «Манифестация субъективности» занимает лидирующую позицию – порядка 43 % от общего числа зафиксированных случаев. В качестве примеров реализации данной формулы можно привести следующие высказывания: *«Мне все больше кажется, что менеджмент ведет компанию к банкротству»* вместо *«Менеджмент ведет компанию в банкротству»*. Элемент «мне все больше кажется» формально указывает на субъективность, гипотетичность сообщаемой информации, что снижает риски правовой ответственности. Хотя стиль, интонация и контекст позволяют адресату речи понять, что элемент «мне все больше кажется» является лишь маской говорящего, попыткой себя обезопасить. Фактически же оратор хорошо разбирается в проблеме, о которой говорит, и полностью уверен в сообщаемом факте.

В судебно-экспертной практике сформировались два параметра для разграничения выражения мнения и сообщения сведений: формально-семантический и прагматический.

Суть формально-семантического параметра сводится к поиску в исследуемой фразе специальных слов-маркеров (слов-показателей), которые однозначно указывают на коммуникативную функцию фразы или ее фрагмента. Под коммуникативной функцией понимается назначение фразы в событии общения – выразить мнение автора или сообщить собеседнику сведения.

Если в тексте встречаются слова и выражения «по моему мнению», «мне кажется», «думается», «могу предположить», «я предполагаю» и подобные, то фрагменты текста, к которым относятся данные слова, признаются выражением мнения. Конструкции со словами «наверное», «мне кажется» и подобные расцениваются как предположения и приравниваются к выражению мнения. В том случае, если фраза не содержит таких слов-маркеров, она квалифицируется экспертом как сообщение сведений.

Частотны случаи, когда фраза не содержит никаких внешних показателей мнения, предположения (слов-маркеров). Вместе с тем, высказывание, как правило, изобилует субъективной экспрессией, т.е. является эмоциональным, оценочным по своей форме. Это дает повод ответчику (ст. 152 ГК) или подсудимому (ст. 129 УК) настаивать: «Это было мое личное мнение, я так думал и чувствовал». То есть акцент делается на состоянии мировоззрения автора в момент написания (произнесения) текста (речи). Как правило, такие доводы судом не принимаются в качестве убедительных и действенных. Противоположная ситуация складывается в отношении мнения *адресата* речи (слушателя, читателя). Ему суд склонен доверять в большей степени, и зачастую возможное мнение адресата становится решающим в определении коммуникативной функции текста

(фразы). В этом суть прагматического параметра при идентификации мнения и сведений.

Необходимо также учесть, что речи оратора свойственно использование изобразительно-выразительных средств. При наличии тропов, фигур текст становится ярким и эмоциональным. Однако зачастую высказывания, осложненные использованием изобразительно-выразительных средств, ввиду своей заведомой эмоциональности и оценочности, становятся конфликтными и фигурируют в судебных процессах по защите чести и достоинства, а также оскорблению и клевете. Вот некоторые примеры конфликтных фраз, в которых использованы тропы:

- метафоры (слова в переносном значении)» – *Депутат С*** освистал и забросал камнями докладчика, который, увы, ничем не мог парировать, и аргументы С*** победоносно зависли в воздухе – без контраргументов побитого Р***»;*

- литота (преуменьшение) – «*Да у него ж совсем нет совести, раз он так поступил!»;*

- эпитет (образное определение) – «*Директор просто уничтожил сотрудников на совещании».*

В подобных случаях каждый читатель понимает, что автор стремился приукрасить свой текст, потому и позволил себе излишнюю эмоциональность и категоричность. Вычленение «преувеличенного» смысла обычно не составляет для рядового языкового носителя особого труда.

Формула № 2 «Затемнение денотата» реализуется в 22 % случаев. В качестве примера можно привести высказывание: «*Всем нам хорошо известный депутат шел на выборы с лживыми обещаниями*». Элемент «*Всем нам хорошо известный*» является затемненным указанием на денотат. Отсутствие в высказывании прямого указания на характеризуемое лицо является гарантией безопасности оратора. При этом люди,

присутствующие на пресс-конференции, хорошо поняли, о ком говорит оратор.

Формула № 3 «Разорванная предикация» реализуется в 18 % случаев. Суть данной формулы сводится к тому, что субъект и предикат, которые составляют в интенции говорящего единство, разводятся по разным высказываниям: *«Сегодня многие строительные компании не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтройИнвест» давно должна стать объектом пристального внимания»*. Из контекста ясно, что говорящий имел в виду, что компания «СтройИнвест» не может выполнять своих обязательств перед кредиторами. Однако предикат «не может выполнять обязательств» и субъект «компания СтройИнвест» разведены по двум разным предложениям, которые являются самостоятельными. В этом случае компании СтройИнвест потребуется долго доказывать в суде, что информация о том, что компании не могут выполнять своих обязательств, относится именно к ней. Суд будет рассматривать это как спорный и неоднозначный момент.

Формула № 4 «Ссылка на непроверяемый источник» реализуется в 17 % случаев. Примером могут служить высказывания с элементами *«Всем известно, что...»*, *«Не раз приходилось слышать о том, что...»*, *«Никто не будет спорить, что...»*. Такого рода ссылки невозможно проверить, однако сам факт наличия ссылки формально делает критическое высказывание более безопасным с точки зрения правовой ответственности за сказанное.

Осознание того, что речевая коммуникация является полем правовых отношений, становится массовым. Опросы показали, что 80 % носителей русского языка осознают, что за критические высказывания в адрес людей или компаний может наступить правовая ответственность в связи с ущербом репутации. Умение намеренно уходить от правовой опасности в публичной речи становится важной составляющей коммуникативной компетенции современных носителей языка. Таким образом, в алгоритмах

речевого поведения формируется особая зона интенций, которые систематически влияют на стиль, лексику и грамматику языка.

В современной лингвистике тактики ухода от правовых рисков, по всей видимости, могут становиться объектом не столько прикладных, сколько теоретических исследований, направленных на моделирование речевых компетенций, алгоритмов речевого поведения, значимых для определенной лингвокультуры.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта – Наука, 2007.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009.
3. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. – М.: СТЭНСИ, 2003.
4. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: монография. – Челябинск, 2006.

Рецензенты:

Космогорова А.В., д. филолог. н., профессор, заведующая кафедрой французского языка ФГБОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» Минобрнауки РФ, г. Кемерово.

Петрунина С.П. д. филолог. н., профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» Минобрнауки РФ, г. Кемерово.